

МОЛОДЕЖЬ В НОВОЙ РОССИИ
YOUTH IN THE NEW RUSSIA

Российская молодежь в системе социальных взаимодействий

Д.М. ЛОГИНОВ *

***ЛОГИНОВ Дмитрий Михайлович** — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: Москва, Пречистенская наб., 11. E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Система социальных взаимодействий, в которую включена российская молодежь, рассматривается с точки зрения ресурсной значимости и возможностей достижения приемлемых материальных и карьерных позиций для молодежных когорт. В статье представлен анализ социальных взаимодействий, а также входящих и исходящих ресурсных обменов, являющихся результатом этих взаимодействий молодежных когорт. Информационной базой исследования выступают данные репрезентативного социологического опроса населения в возрасте 18–35 лет, проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2019 г.

Ключевые слова: социальные взаимодействия, молодежь, социально-экономические ресурсы, благосостояние, образование, занятость, социальный капитал.

DOI: 10.31857/S086904990010747

JEL: J13, Z13

Цитирование: Логинов Д.М. (2020) Российская молодежь в системе социальных взаимодействий // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S086904990010747

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Russian youth in the system of social interactions

Dmitry M. LOGINOV *

* **Dmitry M. Loginov** — PhD (Econ), Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Address: 11, Prechistenskaya nab., 119034, Moscow, Russian Federation. E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Abstract. The system of social interactions, which Russian youth is involved in, is viewed in terms of resource significance and opportunities for the youth cohorts to achieve acceptable financial and career positions. The article reviews the analysis of social interactions as well as incoming and outgoing resource exchanges that are the result of the youth cohorts interactions. The information base of the study is the data of the representative sociological survey among the population in the age of 18–35 years old held by INSAP RANEPA in 2019. The article is prepared within the research work implementing the state task of RANEPA.

Keywords: interactions, the youth, socio-economic resources, well-being, education, employment, social capital.

DOI: 10.31857/S086904990010747

JEL: J13, Z13

Citation: Loginov D. (2020) Russian youth in the system of social interactions. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*, no. 4, pp. 5–19. DOI: 10.31857/S086904990010747 (In Russ.)

Трудности, связанные с социально-экономической нестабильностью в современной России, актуализируют задачу поиска возможностей сглаживания ситуации в условиях объективной ограниченности материальных ресурсов. Одна из таких возможностей – активизация ресурса социальных взаимодействий. Как подтверждают многочисленные исследования, этот ресурс (включающий в себя институты, отношения и ценности, которые регулируют взаимодействие между людьми) способствует экономическому и социальному развитию. Помимо непосредственного увеличения ресурсных источников для различных групп населения в трудных жизненных ситуациях, эффективное выстраивание социальных взаимодействий существенно расширяет возможности и выхода из кризиса, и посткризисного развития. Данная статья посвящена анализу структуры социальных взаимодействий российской молодежи, с выявлением их ресурсной значимости. Для этого использованы результаты репрезентативного социологического исследования российской молодежи, проведенного в 2019 году¹.

Социальные взаимодействия в контексте теории социального капитала

Социальный капитал общества включает институты, отношения и ценности, регулирующие взаимодействия между людьми и, как показывают различные исследования, способствующие экономическому и социальному развитию. Концепция социального капитала, обоснованная в работах Дж. Коулмана [Coleman 1988; Coleman 1990; Коулман 2001], Р. Патнэма [Putnam, Leonardi, Nanetti 1993], П. Бурдье [Бурдье 2002], предполагает рассмотрение данного ресурса в трех измерениях: уровень проявления; форма реализации; каналы влияния на уровень социально-экономического развития.

На микроуровне социальный капитал реализуется в рамках непосредственного социального окружения человека, в процессе межличностных отношений. При этом последние способствуют осуществлению обменов тремя типами потоков: материальными, символическими и эмоциональными [Turner 1991; Cook, Whitmeyer 1986]. Включаясь в ближайшее сети поддержки, человек может получить доступ к решению актуальных для себя проблем. В России подобные сети взаимной поддержки традиционно играют важную роль (“знакомства”, “блат”) [Леденева 1997; Гудков, Дубин 2002], особенно в периоды социально-экономических кризисов, когда приемлемый уровень жизни оказывается под угрозой. Объем социального капитала непосредственно зависит от размера

¹ Эмпирической базой исследования выступают данные анкетного опроса, проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2019 г. по общероссийской выборке, репрезентирующей население страны в возрасте 18–35 лет (3500 респондентов).

и характеристик социальной сети, которую может мобилизовать индивид. На среднем (мезо-) уровне проявления социального капитала (локальные сообщества, неформальные объединения, общественные организации и т.п.) возможности решения индивидуальных задач достигаются посредством участия в решении проблем сообщества в целом. В данном случае социальный капитал человека способен удовлетворить его потребность в частном благе через участие в удовлетворении блага общественного. На институциональном уровне социальный капитал реализуется в различных формах гражданской активности и проявляется в уровне доверия институтам.

Таким образом, социальный капитал обладает свойствами как частного, так и общественного блага. На уровне отдельного индивида он представляется частным благом, однако, по мере генерализации социальных связей до уровня локального сообщества, организаций, или шире – общества в целом, социальный капитал обретает свойства общественного ресурса: выгода (материальная финансовая, информационная и т.п.) извлекается каждым входящим в социальную сеть или социальным сообществом в целом.

Существует тесная взаимосвязь между уровнями рассмотрения социального капитала. Например, его накопление на институциональном уровне способно обеспечить благоприятную среду, в которой будут развиваться локальные сообщества и общественные ассоциации. И наоборот, активность на среднем уровне может способствовать усилению “диалога” государства и общества, повышению эффективности государственного управления.

Масштабные кризисы в экономике оказывают серьезное влияние на объем и структуру социального капитала: изменяются пропорции распределения его отдельных элементов для личности, например, между общегосударственным и локальным уровнем. Так, в условиях ухудшения качества жизни населения, роста безработицы и т.п., при сбоях в социальной политике государства, неизбежно происходит снижение уровня доверия формальным институтам государства. Следствием утраты доверия государству как гаранту социальной защищенности и стабильности может стать стремление людей искать поддержку в ближайшем социальном окружении и активизировать ее локальные социальные сети и инструменты адаптации.

Любая из форм социального капитала представляет собой актив, который создает поток выгод (обмен информационными, материальными и финансовыми ресурсами, координация коллективных действий и принятие решений). Экономическое значение данного ресурса проявляется в том, что он способствует передаче знаний о наиболее эффективном поведении других контрагентов о технологиях и рынках, что облегчает как индивидуальные, так и коллективные действия. Социальный капитал, воплощенный в сетях доверия, имеет характеристики, аналогичные другим факторам производства, таким как физический капитал и труд. Накапливаясь с течением времени, он порождает значительные положительные эффекты в социально-экономической сфере: помимо непосредственного увеличения источников средств существования, социальный капитал помогает людям, оказавшимся в трудном материальном положении, расширить возможности доступа к товарам и услугам. Таким образом, включенность в систему социальных взаимодействий можно рассматривать с точки зрения возможностей ресурсного взаимообмена, оказывая влияние на различные области человеческой жизни и социально-экономическое развитие в целом.

В России межличностные сети социальных взаимодействий стали важным источником адаптации и обеспечения необходимого уровня доходов в кризисный период 1990-х гг. [Rose 1998; А враамова, Логинов 2002]: большинство домохозяйств использовали тактики адаптации, которые сочетали использование формальных практик и возможностей неформальных социальных сетей. На основе анализа данной концепции [Соболева 2006; Социальный... 2004] исследователи приходят к выводу, что, воплощаясь в категориях сплоченности и доверия, совокупность социальных связей людей актуализируется в ресурсы развития [Тихонова 2004; А враамова, Малева 2015; А враамова 2019].

Стартовые ресурсы родительской семьи

Возможности родительской семьи представляются важным элементом ресурсного потенциала молодежи. Включенность родителей в образовательные стратегии на дошкольном и школьном этапах подробно изложена в рамках специальных исследований (см., например, [Авраамова, Клячко, Логинов 2014; Авраамова, Логинов 2015]). В данной статье рассматриваются ресурсы родительской семьи, начиная с этапа перехода к профессиональному образованию, когда формируется базис профессиональной ориентации, и первичного выхода на рынок труда. В соответствии с разработанной методологией составляющими ресурсного потенциала родительской семьи (РРС) являются:

- материальная обеспеченность домохозяйства в период окончания ребенком школы: высокий уровень – материальное положение семьи характеризуется значениями выше среднего, средний соответствует средней обеспеченности семьи, низкий – материальное положение семьи не достигало среднего;
- образовательный потенциал: высокий уровень – высшее образование у обоих родителей (или единственного), средний – один из двух родителей имеет высшее образование, низкий – никто из родителей не закончил вуз;
- наличие у родителей возможностей помочь поступить в желаемое учреждение профессионального образования: высокий уровень – широкие возможности, средний – некоторые возможности, низкий – их отсутствие;
- наличие у родителей возможностей помочь с трудоустройством: высокий уровень – широкие возможности, средний – некоторые возможности, низкий – отсутствие таких возможностей.

Распределение по уровню имеющихся стартовых ресурсов показывает, что по трем из рассматриваемых стартовых возможностей более половины молодых людей имели более или менее устойчивый ресурсный базис (см. табл. 1). Причем наиболее дефицитный ресурс – возможности помочь в трудоустройстве.

Таблица 1

Уровень развития ресурсов родительской семьи (в % по столбцу)

Уровень развития ресурсов	Виды ресурсов			
	Материальная обеспеченность	Образовательный потенциал	Возможности помочь в получении образования	Возможности помочь в трудоустройстве
Высокий	35,0	22,8	31,8	17,4
Средний	43,2	30,0	37,3	26,7
Низкий	21,8	47,2	30,9	55,9

Суммирование элементов ресурсного потенциала, характеризующих стартовые возможности молодежи, позволяет рассчитать интегральный показатель ресурсной обеспеченности родительской семьи. Наличие каждой из выделенных характеристик (среднего или высокого уровня) развития соответствует одному баллу ресурсообеспеченности. Низкий уровень ресурсообеспеченности родительской семьи при этом соответствует значению менее двух баллов, средний – показателю, равному двум или трем баллам, высокий – максимальному значению шкалы, равному четырем баллам.

Выяснилось, что около половины опрошенных (49%) обладают средним ресурсным потенциалом родительской семьи. Наполненность группой низкой и высокой ресурсообеспеченности иллюстрирует смещение ситуации в сторону нижней границы оценочной

Российская молодежь в системе социальных взаимодействий

шкалы: высокий уровень ресурсообеспеченности характеризует 12%, а низкий – 39% молодых людей.

Рассмотрим, в какой степени ресурсообеспеченность родительской семьи позволяет сформировать индивидуальный образовательный потенциал высокого уровня и качества. Достигнутый уровень образования представителей групп молодежи с различными ресурсными возможностями родительской семьи показывает, что шансы остаться без профессионального образования (пусть, возможно, и временно, с учетом возможностей отложенного выхода на рынок образовательных услуг) для респондентов с низким потенциалом РРС существенно возрастают, а на получение высшего образования сокращаются более чем в 1,5 раза (см.табл. 2). Различия между теми, кто имеют РРС среднего и высокого уровня, не столь значительны, но надо отметить, что максимальный стартовый потенциал дает и самые высокие шансы получить образование более высокого уровня.

Таблица 2

Уровень полученного образования, по группам ресурсообеспеченности родительской семьи (в % по строке)

Уровень РРС	Уровень полученного образования		
	Отсутствие профессионального	Среднее профессиональное	Высшее
Высокий	13,8	28,4	57,8
Средний	13,1	34,8	52,1
Низкий	20,5	44,5	35,0
<i>В целом</i>	16,3	38,4	45,3

Образовательный потенциал характеризуется не только уровнем, но и качеством полученного образования. Мы можем оценить влияние ресурсного потенциала родительского домохозяйства на возможности получения более качественного образования, обратившись к типологии качества образовательного ресурса молодых людей, имеющих профессиональное образование. Оценка качества образовательного ресурса строится на основе интегральной оценки индикаторов, характеризующих элементы полученной образовательной подготовки: самооценка качества школьного образования, самооценка качества профессионального образования, наличие дополнительного образования или профессиональной переподготовки².

Очевидна явная взаимосвязь между уровнем располагаемых семейных возможностей и качеством образовательного ресурса, которого достигают молодые люди (см. табл. 3). Если доля обладающих образовательным ресурсом, качество которого превышает среднее, в составе имеющих высокоразвитые ресурсы родительской семьи составляет около 40%, то среди тех, чьи родительские ресурсы минимальны, она не достигает 30%. При этом надо отметить, что достижение сравнительно высокого образовательного потенциала доступно вне зависимости от уровня родительских ресурсов.

² Каждому из индикаторов уровня и качества полученного образования присвоены балльные значения по следующему алгоритму: школьное образование – 1 балл в случае субъективной оценки его качества как “высокое”; профессиональное образование – 1 балл при субъективной оценке качества как “среднее”, 2 балла – “высокое”; дополнительное профессиональное образование или профессиональная переподготовка – 1 балл при прохождении соответствующих курсов. Суммирование достигнутых баллов позволяет перейти к интегральной оценке качества образовательного ресурса, которая характеризуется значениями: 4 балла – высокое качество образовательного ресурса; 3 балла – качество образовательного ресурса выше среднего; 2 балла – среднее качество образовательного ресурса; менее 2-х баллов – качество образовательного ресурса ниже среднего.

Таблица 3

**Качество образовательного ресурса,
по группам ресурсообеспеченности родительской семьи (в % по строке)**

Уровень РРС	Качество образовательного ресурса			
	Низкое	Среднее	Выше среднего	Высокое
Высокий	36,4	24,4	23,5	15,7
Средний	33,8	29,1	25,6	11,5
Низкий	41,0	30,0	20,0	9,0
<i>В целом</i>	37,0	28,9	23,1	11,0

Определим теперь, влияет ли стартовый ресурсный потенциал на карьерные возможности молодежи и, если это так, то насколько значимо такое влияние. В ходе исследования работающим респондентам задавался блок вопросов, характеризующих удовлетворенность различными аспектами занимаемой трудовой позиции. Представленные распределения показывают, что лучшие рабочие места (по всем выделенным характеристикам) занимают те, чьи стартовые позиции были сравнительно высоки (см. табл. 4). При этом наиболее значимые различия отмечаются в отношении наиболее “дефицитной” характеристики рабочего места – уровня оплаты труда.

Таблица 4

**Удовлетворенность занимаемой трудовой позицией,
по группам ресурсообеспеченности родительской семьи
(в % от работающих, по строке)**

Уровень РРС	Уровень удовлетворенности характеристиками трудовой позиции		
	Полностью удовлетворены	Частично удовлетворены	Не удовлетворены
<i>Размер оплаты труда</i>			
Высокий	44,4	48,3	7,3
Средний	30,2	54,2	15,6
Низкий	24,5	55,5	20,0
<i>В целом</i>	29,5	54,1	16,4
<i>Занимаемая должность</i>			
Высокий	65,7	30,6	3,7
Средний	58,8	36,0	5,2
Низкий	52,0	39,9	8,1
<i>В целом</i>	56,8	37,0	6,2
<i>Отношения с руководством</i>			
Высокий	80,9	18,6	0,5
Средний	72,6	23,4	4,0
Низкий	69,7	24,9	5,4
<i>В целом</i>	72,3	23,5	4,2
<i>Режим работы</i>			
Высокий	76,3	18,2	5,5
Средний	68,8	23,5	7,7
Низкий	62,8	27,7	9,5
<i>В целом</i>	67,3	24,6	8,1

Российская молодежь в системе социальных взаимодействий

Окончание табл. 4

Уровень РРС	Уровень удовлетворенности характеристиками трудовой позиции		
	Полностью удовлетворены	Частично удовлетворены	Не удовлетворены
<i>Трудовая нагрузка</i>			
Высокий	71,2	25,5	3,3
Средний	64,0	28,4	7,6
Низкий	57,2	32,8	10,0
<i>В целом</i>	62,1	29,8	8,1

Таким образом, материальные и социальные капиталы родителей способствуют формированию более успешных трудовых траекторий. Для того чтобы выяснить, преодолимо ли это влияние в ходе развития трудовых карьер молодых россиян или влияние полученного ресурсного базиса в рамках рассматриваемых возрастных границ не ослабевает, обратимся к возрастной дифференциации удовлетворенности трудовой позицией на основе соответствующего интегрального показателя (см. табл. 5). Как видно из представленных данных, с течением времени происходит выравнивание позиций, достигаемых молодыми людьми, имевшими родительские ресурсы среднего и низкого уровня. При этом обладающие высоким стартовым потенциалом сохраняют и наращивают преимущества с течением трудовой карьеры.

Таблица 5

Доля характеристик “выше среднего” при оценке занимаемой трудовой позиции, по возрастам и группам ресурсообеспеченности родительской семьи (в % от работающих)

Уровень РРС	Доля характеристик “выше среднего” по возрастным группам			
	18–25 лет	26–30 лет	31–35 лет	<i>В целом</i>
Высокий	39,2	43,6	46,4	42,2
Средний	38,2	34,3	33,3	35,2
Низкий	23,8	26,2	29,6	27,3

Рассматривая достигнутый уровень материальной обеспеченности молодых людей, проживающих отдельно от родителей, необходимо отметить, что он в существенной степени зависит от ресурсных характеристик родительской семьи. Среди имевших высокие стартовые возможности, определяемые соответствующими родительскими ресурсами, 38% достигли сравнительно высокого уровня материальной обеспеченности. А при наличии среднего уровня РРС подобные достижения характеризуют 22% молодых людей. При низком же потенциале родительской семьи – лишь 12%. Обратная ситуация отмечается при рассмотрении групп молодежи, чьи материальные достижения не достигают среднего уровня: такой уровень материальной обеспеченности характеризует 27% респондентов с минимальным уровнем РРС и лишь 6% тех, чьи ресурсы родительской семьи были высоки.

Межпоколенные взаимодействия

Стремление к самостоятельности – социальная норма для современной российской молодежи. Абсолютное большинство респондентов во всех представленных возрастных группах считают, что в их возрасте лучше жить отдельно от родителей, и только 11% придерживаются противоположного мнения, причем в большинстве случаев это мнение

основано на объективной необходимости (низкий уровень доходов или необходимость постоянного ухода за родственниками). Лишь 2% опрошенных никогда не имели работы или подработок, а 80% молодых людей заработали свои первые деньги в возрасте младше 19-ти лет. При этом выделение из родительской семьи и создание своей собственной становится важным фактором, определяющим экономическое положение и социальное позиционирование молодежи. С переходом к каждой следующей возрастной подгруппе плотность связей с родительской семьей сокращается, и одновременно субъективные оценки уровня материальной обеспеченности снижаются (см. табл. 6).

Таблица 6

Проживание с родителями и оценка уровня материальной обеспеченности, по возрастным группам (в %)

Возрастные группы	Проживают совместно с родителями	Оценивают уровень материальной обеспеченности “выше среднего”
18–22 лет	44,7	25,8
23–27 лет	26,0	20,4
28–31 лет	18,0	17,3
32–35 лет	15,8	15,0
<i>В целом</i>	24,9	19,1

При этом большинство молодых людей, проживающих отдельно от родителей (таких среди наших респондентов 75%), включены в межпоколенческие ресурсные обмены. Денежную помощь от родителей получают две трети опрошенных, в том числе 21% считают эту помощь существенной для семейного бюджета. Получателями помощи со стороны родительского поколения в немонетарных формах являются 74% опрошенных, включая 42% считающих ее значительной. В обратном направлении (от молодого поколения к родительскому) помощь поступает со стороны более 70% респондентов, причем 23% молодых людей считают ее существенной для бюджета родительской семьи.

Интегральная оценка помощи представителям молодого поколения со стороны старшего³ показывает, что 16% представителей молодежи лишены поддержки, 18% получают ее в минимальном виде, а 29% – в среднем. В то же время у 37% респондентов соответствующие показатели находятся на уровне выше среднего или высоком (см. табл. 7).

Таблица 7

**Интегральная оценка родительской помощи
(в % от проживающих отдельно от родителей)**

Уровень помощи со стороны родителей	Доля опрошенных
Низкий	15,8
Ниже среднего	17,7
Средний	28,7
Выше среднего	22,8
Высокий	15,0

³ Интегральная оценка родительской помощи реализована на основе баллирования индикаторов финансовой и нефинансовой поддержки молодых людей – существенная финансовая и нефинансовая помощь оценивается в каждом случае двумя баллами; незначительная – одним баллом. В границах балльного распределения значение четыре балла соответствует высокому уровню родительской помощи, три балла – уровню выше среднего, два балла – среднему, один балл – ниже среднего, отсутствие баллов – низкому уровню помощи.

Российская молодежь в системе социальных взаимодействий

Анализ входящих ресурсных потоков свидетельствует о том, что наибольшая доля получателей концентрируется в наиболее молодых возрастах. Однако даже в самой старшей из рассматриваемых возрастных групп каждый третий не остается без значительной помощи со стороны родителей (см. табл. 8).

Таблица 8

Интегральная оценка родительской помощи, по возрастным группам (в % по строке от проживающих отдельно от родителей)

Возрастные группы, лет	Интегральная оценка родительской помощи				
	Низкая	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	Высокая
18–22	7,5	12,3	25,3	25,9	29,1
23–27	15,5	18,3	31,0	21,9	13,2
28–31	18,0	18,4	27,7	22,0	13,9
32–35	17,8	19,3	29,9	22,7	10,3
<i>В целом</i>	15,8	17,7	28,7	22,8	15,0

В таблице 9 представлены характеристики материального положения молодых людей, в зависимости от уровня помощи, получаемой от родителей. Мы видим, что распределение достаточно однородно. Это свидетельствует о том, что распространенность внутрисемейных ресурсных взаимодействий, с одной стороны, практически не зависит от уровня материальной обеспеченности молодых семей, а с другой – не является определяющим фактором их успешности.

Таблица 9

Уровень материальной обеспеченности, по группам получения помощи от родителей (в % по строке от проживающих отдельно от родителей)

Интегральная оценка родительской помощи	Уровень материальной обеспеченности		
	Выше среднего	Средний	Ниже среднего
Низкая	22,8	57,3	19,9
Ниже среднего	20,7	61,1	18,2
Средняя	18,3	63,4	18,3
Выше среднего	17,3	64,8	17,9
Высокая	25,1	57,4	17,5
<i>В целом</i>	20,2	61,5	18,3

Социальное доверие и поддержка

Уровень и динамика межгруппового доверия – важные факторы эффективности социальных взаимодействий. Как показывают результаты исследования, уровень социального доверия со стороны молодого поколения невысок: половина опрошенных заявляют, что людей, которым они доверяют, мало и лишь 12% придерживаются противоположного мнения. Субъектная дифференциация межгруппового доверия показывает, что оно в значительной степени ограничено узким родственным кругом, в который также включается небольшая доля друзей и коллег. Динамика межличностного доверия при этом носит отрицательный характер – в условиях макросоциальной нестабильности уровень общественного доверия сокращается, о чем свидетельствуют мнения 27% мо-

лодых людей, тогда как об увеличении своего доверия к окружающим говорят только 9%. В группировке показателей уровня и динамики социального доверия можно выделить структуру респондентов, обладающих:

- высоким уровнем социального доверия – 12,1%;
- средним уровнем социального доверия без негативной динамики – 31,1%;
- средним уровнем социального доверия с негативной динамикой – 6,0%;
- низким уровнем социального доверия без негативной динамики – 31,6%;
- низким уровнем социального доверия с негативной динамикой – 19,2%.

Нужно обратить внимание на то, что отмеченная отрицательная динамика общественного доверия концентрируется, в первую очередь, в группах тех молодых людей, для которых уровень доверия изначально низок. Таким образом, с одной стороны, существующий уровень доверия на высоком и среднем уровнях достаточно стабилен, с другой – группы низкого доверия демонстрируют однозначный понижающий тренд. Представители младшей возрастной когорты (до 25-и лет) в наибольшей степени сконцентрированы в двух верхних группах, позитивно характеризующих уровень общественного доверия (высокое и среднее, без негативной динамики). С переходом к более старшим возрастам уровень доверия к окружающим снижается. Сельские жители отличаются несколько большим уровнем доверия к окружающим по сравнению с городскими. Однако различия между жителями различных населенных пунктов невелики.

Факторами, кардинально дифференциирующими молодежь по уровню социального доверия, являются показатели материального и общественного статуса (см. табл. 10). Уровень материального положения в максимальной степени связан с уровнем социального доверия. Более 60% самых обеспеченных респондентов находятся в благополучных группах, для которых характерны высокий или не снижающийся средний показатель доверия к окружающим. Те, кто видят себя на высоких ступенях социальной лестницы, также склонны декларировать высокий уровень доверия. Относящиеся к низким материальным и статусным группам демонстрируют минимальные показатели социального доверия, уровень которого при этом продолжает снижаться.

Таблица 10

**Уровень социального доверия, по группам материального и общественного статуса
(в % по строке)**

Группы материального и общественного статуса	Уровень социального доверия				
	Высокий	Средний, не снижается	Средний, снижается	Низкий, не снижается	Низкий, снижается
<i>Материальный статус, по самооценке респондентов</i>					
Высокий	22,8	40,3	1,8	26,3	8,8
Средний	14,4	33,2	6,5	30,8	15,1
Низкий	6,1	26,0	5,7	34,3	27,9
<i>Социальный статус, по самооценке респондентов</i>					
Высокий	21,6	32,0	3,1	24,7	18,6
Средний	11,7	32,2	6,9	33,2	16,0
Низкий	6,0	25,4	4,5	34,3	29,8
<i>В целом</i>	12,1	31,1	6,0	31,6	19,2

Рассмотрим теперь представления молодежи о возможностях получения помощи со стороны социального окружения (см. рис. 1). Надо отметить, что респонденты достаточно оптимистичны в отношении собственной социальной сплоченности (таковых более 80%).

Это свидетельствует об их надежде в трудной жизненной ситуации получить помощь от родственников и друзей. Обращает на себя внимание и тот факт, что более половины опрошенных ожидают поддержки со стороны некоммерческих благотворительных организаций. В то же время ожидания в отношении соответствующих государственных органов минимальны – лишь каждый четвертый считает, что может рассчитывать на такую помощь.

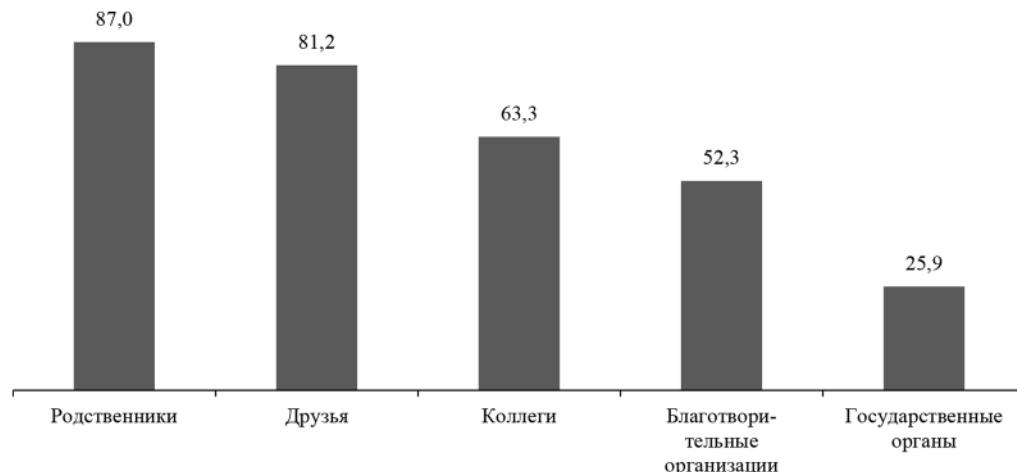

Рис. 1. Субъекты оказания помощи в случае возникновения трудной жизненной ситуации (в %, допускалось более одного ответа)

Агрегировав рассмотренные каналы потенциального оказания помощи и надежды на них, мы получаем следующую оценку уровня эффективных социальных взаимодействий. 28% молодых людей характеризуются сравнительно низкой оценкой возможностей получения для себя помощи (не более двух источников). Около 59% рассчитывают на поддержку со стороны двух – четырех выделенных субъектных групп, а для 12,5% опрошенных потенциальные возможности оценивались как максимальные и охватывают все пять групп реципиентов.

Гендерное распределение, характеризующее уровень потенциально полезных социальных взаимодействий, достаточно равномерно. Согласно распределению по возрастам, низкий уровень возможностей присущ в большей степени старшей когорте, то есть с возрастом оптимизм относительно возможностей социального окружения значительно снижается (см. табл. 11).

Таблица 11

Уровень эффективных социальных взаимодействий, по возрастным группам (в % по строке)

Возрастные группы, лет	Уровень эффективных социальных взаимодействий		
	Низкий	Средний	Высокий
18–22	23,6	60,5	15,9
23–27	26,5	60,6	12,9
28–31	27,9	59,5	12,6
32–35	33,4	57,0	9,6
<i>В целом</i>	28,2	59,3	12,5

Как показывают данные, приведенные в таблице 12, представители наиболее обеспеченной группы молодежи демонстрируют минимальные ожидания помощи со стороны социального окружения. Можно предположить, что это вызвано, с одной стороны, меньшей рефлексией относительно ситуаций, в которых подобная помощь может потребоваться, а с другой – готовностьюправляться с трудностями самостоятельно.

Таблица 12

Уровень эффективных социальных взаимодействий, по группам материального статуса (в % по строке)

Материальный статус	Уровень эффективных социальных взаимодействий		
	Низкий	Средний	Высокий
Выше среднего	18,9	63,1	18,0
Средний	27,0	60,4	12,6
Ниже среднего	40,4	52,3	7,3
<i>В целом</i>	28,2	59,3	12,5

Молодежь как субъект социальных взаимодействий

Выше были рассмотрены ситуации, при которых представители молодого поколения выступают получателями реальной или потенциальной поддержки со стороны социального окружения. Теперь обратимся к вопросу, в какой степени сама молодежь готова к выполнению активных социальных функций, то есть к донорскому участию в системе социальных обменов.

Наиболее активное донорское участие респонденты демонстрируют в отношении родственников. Однако и помощь, выходящая за пределы родственного круга, также достаточно велика: более 60% опрошенных заявили, что с той или иной частотой оказывают такую поддержку друзьям, а каждый третий – в форме благотворительности, в том числе не персонифицированной. Различия между родственными и дружескими уровнями взаимодействий проявляются прежде всего в том, что помощь родственникам втрое чаще оказывается на регулярной основе (см. табл. 13).

Таблица 13

Каналы оказываемой финансовой помощи (в % по строке)

Каналы оказываемой финансовой помощи	Частота оказываемой финансовой помощи		
	Регулярно	Изредка	Никогда
Родственные	18,1	57,7	24,2
Дружеские	6,9	56,8	36,3
Благотворительные	2,8	33,6	63,6

Реализовав группировку каналов оказываемой финансовой помощи, а также участия в нематериальной благотворительной и волонтерской деятельности (опыт которой имеют более 40% респондентов), получим интегральный показатель уровня социальной солидарности молодых людей. Данные, иллюстрированные рисунком 2, подтверждают высокий уровень социальной солидарности российской молодежи: шкала явным образом смешена в сторону верхних оценок, 43% опрошенных характеризуются значениями “высокий” и “выше среднего”.

Рис. 2. Уровень социальной солидарности молодежи (в %).

Чем выше уровень материального положения респондентов, тем более активно они включены в систему социальной солидарности (см. табл. 14). При этом важно отметить, что мас совая включенность в группы выше среднего и высокого уровня социальной солидарности свойственна отнюдь не только тем, чей материальный статус сравнительно высок: подобный уровень взаимодействий характеризует более трети молодых людей, параметры материальной обеспеченности которых находятся и на среднем, и на низком уровнях.

Таблица 14

**Уровень социальной солидарности, по группам материального статуса
(в % по строке)**

Материальный статус	Уровень социальной солидарности				
	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Высокий	6,0	12,6	32,3	34,7	14,4
Средний	7,8	17,0	31,0	30,3	13,9
Низкий	14,1	20,0	30,6	24,4	10,9
<i>В целом</i>	8,8	16,7	31,1	30,0	13,4

* * *

Оценивая степень и результативность включенности современной молодежи в систему социальных взаимодействий, необходимо отметить важные особенности, характеризующие как сами молодежные когорты, так и общественную среду, в которой они вступают в жизнь, формируя те или иные поведенческие практики. Объем ресурсов родительской семьи играет значимую роль в том, как складываются образовательные и трудовые карьеры молодых людей: чем выше ресурсообеспеченность родительской семьи, тем лучший образовательный потенциал получается сформировать и тем лучшую карьерную позицию удается занять. Это означает, что социальные и материальные капиталы родителей явно способствуют успешности индивидуальных социально-экономических практик.

Реализуя стремление к ранней самостоятельности в отношении проживания отдельно от родительской семьи и выхода на рынок труда, молодые люди массово отличаются высокой степенью солидарности с родительским поколением, в значительном масштабе принимая от него финансовую и немонетарную помощь. Эта помощь со временем несколько ослабевает, но, тем не менее, треть представителей старшей возрастной молодежной подгруппы получают ее в существенном объеме.

Российская молодежь массово включается в новые социальные практики, связанные с высоким уровнем общественной активности и включенности в систему социальных взаимодействий. Помимо непосредственного увеличения ресурсных возможностей и жизненных шансов для этой группы населения, эффективное выстраивание социальных взаимодействий существенно расширяет возможности посткризисного развития, которое, очевидно, становится вызовом для страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авраамова Е.М. (2019) Доступность ресурсов развития для различных категорий населения // Общественные науки и современность. № 3. С. 36–51.
- Авраамова Е.М., Клячко Т.Л., Логинов Д.М. (2014) Эффективность школы – позиция родителей // Вопросы образования. № 3. С. 118–132.
- Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002) Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 13–17.
- Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2015) Как родители относятся к школьному образованию? // Народное образование. № 1. С. 52–55.
- Авраамова Е.М., Малева Т.М. (2015) Социальные ресурсы населения в условиях потери экономической стабильности // Вопросы экономики. № 11. С. 86–99.
- Бурдье П. (2002) Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В. (2002) “Нужные знакомства”: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3 (59). С. 24–39.
- Коулман Дж. (2001) Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 121–139.
- Леденева А.В. (1997) Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блаты в постсоветском обществе // Мир России. № 2. С. 89–106.
- Соболева И.В. (2006) Социальный капитал или социальный ресурс? // Экономическая наука современной России. № 3. С. 16–29.
- Тихонова Н.Е. (2004) Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. № 4. С. 24–35.
- Социальный капитал как научная категория (2004) // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–23.
- Coleman J. (1988). Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. Vol. 94 (Supplement). Pp. 95–120.
- Coleman J. (1990) Foundations of Social Theory. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press.
- Cook K.S., Whitmeyer J.M. (1992) Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis // Annual Review of Sociology. Vol. 18. Pp. 109–127.
- Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. (1993) Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Rose R. (1998) Getting Things Done in an Anti-Modern Society: Social Capital Networks in Russia // Social Capital Initiative. Working Paper. No. 6.
- Turner J.H. (1991) The Structure of Sociological Theory. Belmont: Homewood, III: Dorsey Press.

REFERENCES

- Avraamova E.M. (2019) Dostupnost' resursov razvitiya dlya razlichnyh kategoriy naseleniya [Accessibility of development resources for various categories of the population]. *Obshchestvennye nauki i sovremenność*, no. 3, pp. 36–51.
- Avraamova E.M., Klyachko T.L., Loginov D.M. (2014) Effektivnost' shkoly – poziciya roditeley [The effectiveness of the school through the eyes of parents]. *Voprosy obrazovaniya*, no. 3, pp. 118–132.
- Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002) Adaptacionnye resursy naseleniya: popytka kolichestvennoy ocenki [Adaptive resources of the population: an attempt to quantify]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 3, pp. 13–17.
- Avraamova E.M., Loginov D.M. (2015) Kak roditeli otnosyatsya k shkol'nому obrazovaniyu? [How do parents feel about school education?]. *Narodnoe obrazование*, no. 1, pp. 52–55.
- Avraamova E.M., Maleva T.M. (2015) Social'nye resursy naseleniya v usloviyah poteri ekonomiceskoy stabil'nosti [Social resources of the population in the conditions of economic stability downturn]. *Voprosy ekonomiki*, no. 11, pp. 86–99.
- Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sociologiya*, vol. 3, no. 5, pp. 60–74.
- Coleman J. (1990) *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Coleman J. (2001) Kapital social'nyi i chelovecheskiy [Social and human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremenność*, no. 3, pp. 121–139.
- Coleman J. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, vol. 94 (Supplement), pp. 95–120.
- Cook K.S., Whitmeyer J.M. (1992) Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis. *Annual Review of Sociology*, vol. 18, pp. 109–127.
- Gudkov L.D., Dubin B.V. (2002) “Nuzhnye znakomstva”: osobennosti social'noy organizacii v usloviyah institucion'nyh deficitov [“Necessary acquaintances”: peculiarities of social organisation in the conditions of institutional deficits]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 3(59), pp. 24–39.
- Ledeneva A.V. (1997) Lichnye svyazi i neformal'nye soobshchestva: transformaciya blata v postsovetskem obshchestve [Personal connections and informal communities: the transformation of blat in post-Soviet society]. *Mir Rossii*, no. 2, pp. 89–106.
- Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Rose R. (1998) *Getting Things Done in an Anti-Modern Society: Social Capital Networks in Russia*. Social Capital Initiative. Working Paper, no. 6.
- Social'nyi kapital kak nauchnaya kategoriya (2004) [Social capital as a factor of inequality]. *Obshchestvennye nauki i sovremenność*, no. 4, pp. 5–23.
- Soboleva I.V. (2006) Social'nyi kapital ili social'nyi resurs? [Social capital or social resource?]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*, no. 3 (34), pp. 16–29.
- Tihonova N.E. (2004) Social'nyi kapital kak faktor neravenstva [Social capital as a factor of inequality]. *Obshchestvennye nauki i sovremenność*, no. 4, pp. 24–35.
- Turner J.H. (1991) *The Structure of Sociological Theory*. Belmont: Homewood, III: Dorsey Press.